ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Вступительное. Слово. Которое является первым на неведомые территории.

Звук, наполняющий воздух, проникающий в самую сердцевину слуха.

Беспокойный, увлекающий, ведущий за собой.

Такое слово — слова — непросто найти. Особенно если дело касается столь летучих и, казалось бы, не относящихся к предметам первой необходимости вещам, как поэзия. Или относящихся? — Трудно сказать, что это всего лишь дело вкуса... и, вообще, давайте поболтаем ни о чем и тихонько разойдемся по своим домам, углам, реальностям. Ну правда, кто сейчас читает книги, а уж тем более пишет, особенно если тексты поэтические? Вот раньше были... «Богатыри, не мы» ©. Нынче слова увяли, летят как осенние листья неведомо куда, ни смысла, ни веса, шелест один, да рыжий всполох в глазах.

И знаете что? — отчасти соглашусь. Но по существу — буду спорить.

И если вы со мной — со всеми нами, кто отважился на эту книгу, — вы тоже не согласитесь. Никогда и ни за что. Потому что слово, строго говоря, это то, что невозможно отнять, как гаджет, интернет, рупор наконец. Слово — это все, что у нас есть, чтобы прорвать блокаду чего угодно и выразить, написать, озвучить все сущее — горечь непонимания, накал чувства, груз опыта, тяжесть несправедливости, восторг открытия, трепет сопричастности. И, думается, не так уж плохо, даже рискну сказать — хорошо, что сегодня, здесь и сейчас, прямо рядом с нами проживают те, кто верит в значительность слова.

Какова она — сказать трудно, но ясно одно, пока есть те, кто верят в силу слова и создает миры из слов, делится ими со слушателями и читателями, пока существует связка писатель-текст-читатель (слушатель), можно сказать, что одна из самых верных точек опоры мира продолжает существовать.

Впрочем, лишь очень издалека кажется, что это точка. На самом деле, конечно — огромное пространство, наполненное образами, смыслами, звуками. Самое главное в этой книге — полифония. Возможность услышать очень разные голоса. И это уже работа неравнодушного читателя — не только бегло перелистать страницы, остановиться, если посчастливиться найти близкое, того, кто на одной волне, но и сделать нечто большее — вдуматься, вчитаться в то, что поначалу покажется непонятным, безыскусным по фор-

ме или содержанию, или, напротив, сложным, абстрактным, а то и вообще написанным неприлично, что называется, на разрыв. И, пожалуй, только в «Соборище» могут встречаться и прекрасно сосуществовать такие крайности.

Анастасия Мурзич — организатор, «матерь “Соборища”», даже когда грустит, всегда находится на солнечной стороне. Ее стихи, вроде бы обо всем понятном — в первую очередь — о чувствах, о восприятии мира через любовь. Но если дать себе труд и внимательно всмотреться в тексты, то за видимой легкостью, продуманной простотой формы, возникает стойкое ощущение большого культурного бэкграунда, смелое на сегодняшний день следование почти классической поэтической традиции с легким послевкусием женской поэзии начала XX в.

Анфиса Лубко представляется в первую очередь страстным рассказчиком. Визуально ее тексты похожи на истории, они оформлены как проза (стихопроза). Это именно тот случай, когда автор буквально вовлекает в водоворот слов. Процесс чтения превращается в увлекательное и опасное плавание в шторм — от рифмы к рифме, от одного глотка воздуха к другому. Существуя внутри текста, постепенно погружаясь в него, читатель понимает, что смысловая и ритмическая составляющие нераздельны. Нужно перестать сомневаться и рискнуть поймать волну.

Антон Забелин в авторском вступлении представляется предельно лаконично, «Поэт». И при прочтении его текстов сложно в этом усомниться, как минимум, человеку, неплохо знакомому с пространством современной поэзии и при этом ценящему точность и лаконизм, гармоничное сочетание резкого, чуждого куртуазности, изящества с честностью и острой завершенностью каждого высказывания.

Ника Ратомская, как говорится на «Соборище», поющий поэт. Поэтому если не довелось пока ознакомиться с ее текстами в исполнении автора, представьте тихий музыкальный фон поблизости — это важно, потому что стихи Ники удивительно уютны, кажется, что в мире, сотканном из этих слов, нет острых углов, они старательно укрыты, чтобы не отвлекаться на их хищный вид. Сегодня, может быть, вам покажется в чем-то наивным такой миропорядок — какие принцы, розы, боги и экзотическая география? Но попробуйте открыть эти страницы в другое время, когда уже кажется, что мир потерял краски, что уже не за что ухватиться, удержаться. И все покажется иным — тем, что действительно сейчас так необходимо, чтобы не пойти ко дну.

Думается, это отлично, что в сборнике есть, пусть и небольшие, но дающие некие очертания собеседника портреты перед подборкой текстов каждого участника. **Дмитрий Хрусталев-Григорьев** притягивает внимание сразу. Образ на снимке отдаленно напоминает, например, волошинский Коктебель. И пусть только отчасти, но в этом есть доля правды, в смысле содружества мистики и философии, из которого произрастает равновесие накала поиска ответа с глубоко личным пониманием того, что ответ у каждого свой. И, более того, он не всегда есть. Можно лишь поделиться собственным

опытом, сказать, а порой и прокричать, прошептать, что каждое умозаключение, каждый кусочек понимания — лишь шаг. И часто стоит осознавать, что путь поиска равен по своему значению результату, который нередко эфемерен и неточен, как и все, что касается сферы внутреннего, человеческого, текучего, уловимого лишь на мгновение.

Кристина Некрасова, в противовес классику-однофамильцу (да простят меня все, кто прочтет эту, очевидно, избитую до синяков словесную конструкцию, от которой слишком сложно удержаться), непривычно светлый и по-хорошему простой автор, именно из упоминавшейся выше категории «в тот момент, когда весь мир упал вам на голову, откройте эти страницы». Когда, кажется, уже не остается сил дышать, прочтите «Грустьless». Нет гарантии, что излечит, но как минимум вы внезапно обнаружите, что не погибли от удушья, и читаете дальше. Нет, тут далеко не все так уютно и духоподъемно (не удержаться этого «духо-», для равновесия «грустьless» — «духless»), но даже печаль остается смягченной до полутонов, что не лишает ее глубины и искренности.

Александр Щербина — поющий поэт. Его тексты очень городские по сути — чего не скрывает и сам автор. Внутренне наполнение — чувства и ощущения — стоит воспринимать не как стихии, противостоящие антуражу мегаполиса. Напротив, они становятся его частью, электризуются, наполняя вибрацией жизни декорации города. Ни в коем случае не стоит думать, что это тексты-каменные мешки, в которых нет «пространства». Город дышит — это не легкое дыхание бескрайнего простора, но полные значения вдохи-выдохи подразумеваемо замкнутого пространства — переходов, улиц, вокзалов — где почти стерта грань между живой энергией человеческой души и неживой материей. Это город, который слушает колыбельную и в котором, в буквальном смысле из-под земли, прорастает Музыка... Прораст... тает... тает...

Поэзия **Анны Ошариной** не имеет возраста, как любая сказка, ибо сказочные сюжеты — сквозные, в самом прямом смысле: порой они прорывают ткань текста, вырываются в жизнь и снова ложатся на бумагу, прожитые, осмысленные, прошедшие через сердце — например, девичье, например, благосклонное — осторожно и чутко осмысляющее бытие через знакомые с детства, имеющие множество аллюзий, образы. Даже обращаясь к самоубийцам, Анна сохраняет то, что называется «печаль моя светла» ©. Даже если кому-то подобное утешение как бы и не требуется... именно как бы... Ее строки вовлекают в добрый в хорошем смысле мир, с тщательно дозированной, осознанной ноткой старомодности, с лукавым взглядом из-под ресниц.

При чтении стихов **Александра Хвана** ощущаешь сбалансированность высказывания, явственно подчеркнутую ощутимым родством текстов с классическими образцами. При этом тексты совершенно не выглядят архаичными, напротив, — это неспешный разговор с читателем на вечные темы любви, памяти, творчества. Редкий повод остановиться, перестать спешить, осознать реальность здесь и сейчас в ее привычном, но от этого не менее всеобъемлющем, смысле. Даже в нотах тоски присутствует странный покой, принятие жизненного опыта, готовность делиться им — не в виде решений,

к которым каждый человек должен прийти самостоятельно, но как приглашение к размышлению и осмыслению бытия.

Отношение к жизни, особенно собственной, с иронией, при этом без пренебрежения серьезностью и глубиной поэтического содержания — позиция, которая по плечу не каждому творцу. Для этого нужна и чисто человеческая смелость, и отсутствие страха показаться недостаточно серьезным там, где это необходимо. **Алексей Брындин** отлично справляется с этой непростой задачей. Настолько хорошо, что трудно сказать, в чем тут секрет — в том, что поэт разыгрывает каждый текст как виртуозную шахматную партию, или, напротив, в природном чувстве «стратегического равновесия», из которого гармонично вытекают и тексты, и любовь к «королевской игре».

Хотелось бы отметить, чтобы вы ни в коем случае не пропускали, как нередко забывают о предисловиях, пусть даже и кратких, текст, предваряющий поэзию **Вадима Курылёва** («Электропартизаны»). Лично мне он показался очень емким и верным. Разумеется, это не умаляет веса слов других участников сборника, но, кажется, Вадиму Курылёву удалось осветить одну из граней творческого бытия, обозначить нечто, важное и справедливое для всех. Стихи автора очень современны — в них есть верная нота страстности и романтизма, но совершенно безо всякой наивности. Это реальность, в которой правит стихия воздуха, но не простого, а тяжелого и разреженного воздуха войны духа, полного электричества, древних богов и сбивающего с ног ветра от взмахов ангельских крыльев. И еще — даже во время чтения с листа возникает ощущение музыкального бэкграунда где-то на краю слуха.

Анна Островская не просто поэт, но и арт-терапевт, человек, дающий нам твердую надежду, что искусство — и поэтическое слово в частности — обладает настоящей силой. И это вовсе не легковесный лепет поэтов, к которому не стоит прислушиваться, это объективная реальность. И, кстати, очень жизнеутверждающая в самом лучшем смысле этого понятия. Это не значит, что стихи Анны прямолинейно-позитивны, вовсе нет — в них достаточно непростых вещей, понимания несовершенства мира. Однако — и это очень важно — всегда стоит помнить, что «добрых людей гораздо больше на свете» и на мир будет мудро — хотя бы иногда, хотя бы в порядке эксперимента — пробовать посмотреть с этой позиции. Как минимум, не повредит...

Говорить просто о сложном, улавливать и заставлять хоть на миг мелькнуть в области зримого то, что скрывается в полутонах и полутенях мира вокруг и мыслей о нем, — особый дар поэта и музыканта **Михаила Башакова**. Соседство пронзительной грусти и вспышек глубоких, фактически взрывоопасных чувств. Бытовые детали являются как бы преломленными взглядом из другого мира. Напрашивается сравнение с балансированием канатоходца, идущего без шеста и страховки над ужасающей и прекрасной, многоликой бездной жизни.

Видеть светлую сторону вещей, идти по пути принятия в наши дни, наверное, сложно, как никогда. **Наталия Таруса** — поэт, который решается ступить на этот путь. Ее тексты напоминают витраж, прозрачный, пропускающий солнечные лучи, которые легко, обманчиво-нечаянно слагаются в тексты.

Светлана Кутузова однозначно и сразу вовлекает читателя в женственно-женский ритм предельно откровенного по раскрытию чувства и жизненного опыта поэтического мира. Невозможно не отметить очевидную отточенность формы, гармонию внутреннего и внешнего в этих текстах — как отмечает сама Светлана, писать она начала очень рано и сейчас переживает «третью творческую волну». И волна эта достойна внимания читателя, потому не так много в настоящее время мастеров слова, которые имеют «поэтическую школу» за плечами, понимание важности которой почти утеряно сегодня.

Буквальная легкость образов — в прямом смысле пребывания в стихии воздуха, можно отметить как одну из бросающихся в глаза черт поэзии **Светланы Трошиной**. Однако практически сразу становится понятно, насколько обманчива эта воздушность. Вскоре она видится всего лишь театральным приемом, способом вовлечения в точную по форме и очень зрелую по смыслам поэтическую вселенную. Это тот редкий вид осмысления жизни, когда разговор идет о сложных, близких каждому вопросах, в том числе острых, на спокойной, уверенной ноте. Здесь нет ложного оптимизма, но есть особая сила, способная поддержать, почувствовать себя не одиноким в мире.

Лия Мамедова обозначает важность ощущения себя поэтом. Ее тексты аскетичны, могут казаться простыми и слишком понятными. Однако Лия сразу указывает, что поэзия и размышление (философия) идут в ее творчестве рука об руку. И в данном случае уместно принимать поэтический текст как способ понимания окружающего мира и его явлений, как способ постижения и объяснения, облеченный в лаконичную форму стиха.

Когда тексты являются манифестом энергии страдания как источника творчества, хочется верить в автора как в живое воплощение лирического героя. **Алекс Но** именно такое доказательство несуществующего. Немного страшно думать, что написанное основано на опыте и имеет конкретных адресатов. Вопрос: драматический прием или подлинная персонификация обреченности? Так или иначе, но здесь вполне можно заметить некоторые черты кэмпа, как он описан у С. Зонтаг, — обманчивого, болезненного, опасного, как бесконечный зеркальный коридор, не знающего границы между искусством и реальностью.

Мысль о том, что поэзия — сопутствует, является способом передачи знаний, предназначенных для тех, кто способен услышать, или, более того, даже сама по себе является видом духовной практики, — не нова. Но именно с нею, думается, следует походить к текстам **Олега Мичника**. Их форма современна, но без нарочитости. География — как в смысле перемещения в пространстве, так и с точки зрения сознания — обширна. Символьный ряд имеет множество пластов, открывающихся в зависимости от подготовленности читателя. Энергетика — однозначна и неоспорима.

Среди очевидных достоинств книги — достаточно объемные подборки текстов, позволяющие понять, насколько данный автор «ваш», близок ли... И еще — микропредисловия — прямая речь, самопредставление каждого автора — позволяющие лучше понять каждого из них.

Безусловно, стоит иметь в виду, что часть имен более, часть менее известна публике, разная энергетика, уровень владения словом, формой, разные цвета творческой палитры. Есть те, кто уже проводит сольные творческие вечера или организовывает свои мероприятия; есть поэты поющие, т.е. для полноты восприятия текста стоит принимать в расчет этот факт. В целом, «Соборище» дает разноплановый и достаточно объективный, актуальный срез поэзии, в плане хорошей возможности познакомиться с авторами, работающими в основном в Санкт-Петербурге, здесь и сейчас, которых можно увидеть и услышать на литературно-музыкальных вечерах, потому что именно в исполнении автора поэтический текст дышит, получая верные акценты, смысловые и мелодические, обретая подлинную жизнь.

А. Но

Март 2019

Анфиса

Лубко

Анфиса Лубко

Петербургская поэтесса, входящая в состав ведущих поэтических формирований города. За плечами у нее множество выступлений — от баров до библиотек и городских фестивалей. Анфиса Лубко отличается от множества современных поэтов своим непревзойденным слогом, подачей, ритмом, экспрессией, а главное — формой стихосложения. Ее форма это не стандартные четверостишия, а необъятные стихотворные блоки, в которых, помимо безудержной рифмы, заключена глубина, мудрость, а также всепоглощающая любовь к слову и вера в триумф духа.

Мое послание к человечеству: будьте добрей, милосердней, обязательно помогайте ближнему и всегда оставайтесь человеком. Человеком долга, слова, поступка. Никогда не бойтесь надвигающейся пучины страстей, ныряйте в нее и из всего сущего извлекайте урок, учитесь новому. К всякому встречному на пути относитесь с теплом, трепетом и лаской, знайте, что каждый из нас — человек величайшего таинства. Больше благодарите. Благодарите жизнь за ее маленькие сюрпризы и большие открытия, и тогда она, несомненно, даст вам больше. Прощайте. Наша жизнь так коротка и неудержима, поэтому тратить время на обиды — совершенно бесполезно. Будьте людьми. Настоящими. С чистым сердцем, добрыми замыслами и поступками. Любите и будьте любимы.

Всегда ваша,
всегда с теплом
Анфиса Лубко

Я МОГУ ОБЪЯСНИТЬ

Я могу объяснить, почему выбрасываются на берег киты. Почему так сладки вишни и почему порой так беспощаден Всевышний и гнетущая месть его, доносящаяся с небесной мглы.

Я могу объяснить, почему так сочны плоды и терпок сок цедры, я могу объяснить, почему властны над нами мечты и почему так сложно остаться собой, дойдя до последней черты. Я могу объяснить, почему мы так трепетны пред пейзажами Родины: когда объяты смрадом зноя холмы и когда они под тяжестью снежного покрова склонили свои горбы.

Я могу объяснить, почему от любви до войны есть только песнь непонимания да расшибленные лбы.

Я могу объяснить, почему одиночеству всегда сопутствуют алкоголь и табачные клубы, почему некогда непобежденные становятся в отчаянье: несносны, да слабы.

Я могу объяснить, почему ранее наполненные жизнью становятся покоренными превратностями судьбы, хоть пой по ним панихиду и укладывай в гробы. Я могу объяснить, почему неприятностей ров настигает нас в неисповедимом пути, словно песочные столбы странников в степи, и почему мы в страхе и неведении своем — слепы.

Я могу объяснить, почему безобразие всегда держит за талию стан красоты, я могу объяснить боль осознания, когда ничего не вернешь назад, ибо разведены мосты, а глаза ранее тебя ждущих теперь безлики и пусты, смотрят не вымолвленным словом страждущим — и видят, как стали уродствами лучшие черты.

Я могу объяснить, почему те, что покорили горизонты и оставили свои следы там, где никто ранее не был, одиноки, как пустырь.
Я могу объяснить, почему в существе своем так грустны искренние и чистосердечные, обезумевшие от распятия их душевной наготы.

Я могу объяснить, почему столичные курвы объяты пеленой зависти и вне себя пребывают от славы и ее сопровождающей суеты. Я могу объяснить, почему человеческие сердца похоронены под гнетом отчаяния

и недостатка доброты. Я могу объяснить, почему человек человеку становится волком и почему людские души порой подобие черной дыры.

Я могу объяснить, почему в пляске смерти по былой любви сгорают души, словно их заживо погребли адские котлы.

Я могу объяснить, почему мы стали подобием кодлы, и за нашими спинами теперь не крылья, а щиты, а поверх нашей кожи — шипы, чуть кто попытается быть ближе, мы тут же встаем на дыбы и навостряем клыки, заключив этого безумца в кандалы, ибо мы дети, вскормленные временем не добродетели, а борьбы. Я могу объяснить, почему не зарекаются от сумы и тюрьмы.

Я могу объяснить многое.

Но вот себе не могу объяснить

Почему

Из десятков мужчин, что посягают на мои духовные таинства: реликвии и кресты,

Почему из десятков мужчин

Мне нравишься

Именно

Ты.

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ, А ЗНАЧИТ, ПОЧТИ БЕССМЕРТНЫ

Мы были молоды, а значит, почти бессмертны! Мы балагуры, варвары, дикие степные ветры! Мы в проявлениях своих неистовы: жили жадно, любили безмерно. В нас было столько спеси, придури, и, несомненно, мы воплощали все земные обличия, все невообразимые из существующих.

Спектры!

И какие сердца наши хранили вопиющие секреты! Чувство было таинством, любовь — Ковчегом Завета. Нам подвластны были и кутежи и сантименты, мы в объятьях кавалеров стройных были согреты, они обещали нам дары, сонеты, но исчезали под утро, всегда бесследно.

Мы жили от триумфа до победы, неслись в галактике, завороженные величием Андромеды, мы познавали себя, ища ответы на вопросы, что задавала жизнь, даря нам драмы и кастаньеты. Мы были музыкой, нам нипочем запреты, звучали гулко, словно концерты.

Мы были яркими, сгорали, как кометы: мы, не иначе, хулиганы — с нами доски, гетры, баллоны, кеды.

Мы мизантропы, интроверты. Мы были, как фрегаты, в самом сердце моря прокляты, без компаса и карты. Нам нипочем учения: ни Библия, ни псалтырь, каждый сам себе Бог, Мессия и вожатый.

Нас не изображали художники, жадно, не щадя мольберты, о нас не складывали стихов и псалмов километры, но мы вели себя так вальяжно, как будто нам поклонялись все земные континенты! Как будто о нас хотели снять полнометражный фильм киношники и это, непременно, стало бы

Оскороносной лентой!

Мы надирались так, что, смутой властвующие, домой возвращались лишь к рассвету. Мы были победителями и никогда не занимали мы роль жертвы, мы никогда не плакали, мы радости внимали всей планеты. Мы вечно искали то, чего, по сути, нету. Мы были молоды и жили чувством, что наполняет легкие, а позже становится у виска угрожающим дулом пистолета.

Нас радовал один лишь лик любимого лица, возможность петь ему сонеты, один лишь лик — все остальные лишь отражения, силуэты. И не было не переписок, ни лайков, ни интернета, были горящие глаза напротив и сердца, полные добра и света...

Мы были молоды — и молодость наша — чаша Грааля, из которой нам посчастливилось испить. И эту силу, в грудь заложенную свыше, никем не усмирить. Мы, как безумцы, не засыпая, желали ночь разворошить! Мы жили жадно и благодарили за каждую роль, которую нам довелось прожить.

Судьба, ты если сможешь, позволь мне службу сослужить: сумей мне молодость и беспечность, легкость и безупречность в жизни продлить. Душа, ты выросла, но эту жажду жизни ничем

Не утолить!

Душа, ты, главное, никогда не переставай

Любить!

ЕДИНСТВЕННО ВЕРНЫЙ ОРАКУЛ

Ему говорили (этакая прорва учителей): будь тенью среди теней да бесом среди чертей, одним из сотен тебе подобных: потакающим согласием, среди упоенных своим величием речей. Ему говорили: живи для себя и перестань любить людей. Ему говорили: забей. Будь равнодушным, пройди мимо просящих, каждый, кто нищ, в существе своем жид и лицедей. Ему говорили: добивай, если кричат «Добей».

Ему говорили: верь обещаниям властей, не перечь, будь тише и слабей, тут не жалуют того, кто смакует в талантливое начинание весь кладезь собственных страстей. Ему говорили: не люби, а обладай и владей. Ему говорили: ты всего лишь фрегат среди кораблей, ты всего лишь ветвь, погребенная среди углей,

А не маковое зерно, среди проса.

Ему говорили: не усложняй, ведь все на самом деле просто. Сноси все унижения того, кто выше тебя ростом, и нравься тем, кто пользуется спросом, подчиняйся головорезам из девяностых, ведь если ослушаешься, очнешься с разбитым носом.

Ему говорили: жизнь не райские кущи да не бархатисто-песочный остров, ты не можешь жить, как в сказке, радуясь, словно подросток; подрасти и избавься от мечты, что под кожей наростом. Ему говорили: потухни, как докуренная папироса, ничего не меняй, живи, как живешь, и не задавайся вопросами; будь тихим и неброским, будь не огнем свечи, а расплавленным воском, не пробивайся никуда со своим неутомимым войском.

Идей. И не думай пытливым своим мозгом ни о чем серьезном.

Просто будь никем, незваным гостем в этом мире величественном и громоздком. Будь никем. Травинкой. Земли горсткой. Льдом промозглым. Будь кем угодно, только не доминантой и не гостом, да не целься там, где звезды.

Ему говорили: будь попираемым, а не тем, кто следует вопреки, не зная преград. Ему говорили: сиди тихо, избегай почестей и наград, как бы ни старался — ты всего лишь выскочка и плагиат, ты всего лишь подобие,

суррогат. Ему говорили: избегай духовных затрат да поклонись в пояс тем, кто разворовал твой град, потакай и внемли им в такт, а не поклонишься, ими будешь распят.

Ему говорили: твой друг тебе не друг, твой брат тебе не брат, всяк тебе подсыпать в кубок яд, только будет рад алчущий мести и расплат, а не наградить дарами да сладчайшими из цукат. Ему говорили: те, кто любят — лгут, изысканно и в аккурат, ему говорили: священна наша система да тоталитарный ее аппарат. Ему говорили: коль ты особенный, иди сюда, превратим в дубликат, и у виска его бьет набат.

От всех этих советов повеситься можно.

Ему говорили: жизнь — поле боя — испещренный минами Сталинград, и Он прислушаться бы и рад,

Да только тошно.

Ему говорили, а он знал: сердце его — лучший оракул средь лиан, пустынь да цветущих сакур. И он предпочел быть, а не казаться, и за честь лез в агонию и драку, и вместо того, чтобы в клетке быть покладистым попугаем, был вольной, бунтующей птахой, пусть с подбитым крылом и неминуемым, легким страхом.

Он сам себе был Богом, Буддой ли, Аллахом, и только Он мог знать, что считать злом, а что благом. Он говорил: «Пусть недолго, но мне летать с размахом, а у вас сердца полные тлетворного мрака, там ни музыки, ни звука, ни азарта, ни смака, лишь разруха; ваши туши полны праха, словно содержимое концентрационного барака.

И вам не смирить безудержный мой сердца порыв под рубахой. Оставьте в покое, пока я вас с советами вашими не распял на плахе.

Ибо

Только сердце мое — единственно верный

Оракул!»

СМОТРИ НА МИР, КАК НА ЛЮБИМОГО МУЖЧИНУ

Смотри на мир, как на любимого мужчину. Пусть тот, погрязший в череде страстей, пред добротой твоей свою склонил бы спину, пусть станешь светом в сонме призрачных теней. Смотри на мир, как на любимого мужчину, преграды — не порок безумных дней, принять смиренно все невзгоды — на то пусть хватит мудрости твоей.

Справляйся, проживай и мысли, словом, будь мудрей. Рисуй свой мир, словно картину, прости всех тех, увядших в колее несносных кутежей. Ищи покой внутри — вовне не сыщешь, пусть слово — плеть, ты выстоять сумей!

Смотри на мир, как на любимого мужчину, заранее простив всех палачей. Усмири рать противоречий, да спрячь мечи, что непосильной ношей стали для твоих плечей. Злом на добро — то участь, ранящая хлеще каторжных увечий да воинственных плетей. Злом на добро — то участь тех, кто сердцем нищ, то участь сволочей,

Чем быть с такими, лучше быть ничьей.

Смотри на мир, как на любимого мужчину: на мир, полный загадок, Атлантид, Гиперборей, пусть тот, кто враз тебя покинул, найдет иных поводырей. Смотри на мир, как на любимого мужчину, даже тогда, когда его объятья душат пуще отравляющего газа концлагерей.

И вот тогда,

Когда объятья мира душат,

Люби его

Еще сильней!

ПРОСТИТЬ

Я могу простить все сердечные обиды, остроту, желчь, лозунги. Простить удары розгами, простить, как земля сырая и промозглая, покоящаяся под куполом небесным, под мглой и звездами, прощает солнце грозами, сменяет муки грезами, бархатные лепестки шипами — розы оставляя розами. Простить всех тех, кто шел ко мне с угрозами, простить оставшихся в душе занозами, простить стихами, прозой ли.

Простить, не знать упреков, исступленья, любить, не веруя в возврат — пусть те слова, что внутри наростами, в огне прощения сгорят.

Я могу простить и непоколебимое дерзновение, и исступленный взгляд.

Простить, пусть и меня простят. Простить за сиротливое безмолвие того, кем был распят, простить за желчь и яд всех тех, кем, как агонией, был объят и просто бежать от них,

Бежать со всех пят.

Простить, не ведая мести и расплат.

Простить и нищету бетонных плат, и алчность тех, кто разворовывает священный град; простить за муки солнца, за непрекращаемый град, простить всех, кто как из пушки по сердцу палят. Простить мечи и плети, что голову с плеч разят, простить ушедших, что нутро

Проводкой памяти коротят.

Я могу простить за не любовь, за все препятствия, за муки совести, за обстоятельства, простить за праздное лицемерие празднества, простить за осторожность, за муки паперти и предательство, простить за недодружбу и переприятельство.

Простить без повода, дабы любить до беспамятства.

Простить за простоту, за таинство, за непонимание и неравенство, простить и доблестного солдата, и его бесчинствующее воинство, простить жестокость, варварство, простить за самое дерзновенное качество,

простить серьезность и чудачества, за безответственность и хмельное ее изящество, простить и стереть все.

Начисто.

Я могу простить нелепую осторожность, гнетущую ревность, непоколебимость, сложность, простить за каждую упущенную возможность, простить и принять как непреложность. Простить за жалость, невозмутимость, безбожность, простить за сквернословие и непокорность, простить за невымоленную нежность, за неприятие, ненадежность.

Простить за ревность, за легкую небрежность, за сонмы несбывшихся надежд, что подарили безмятежность.

Я могу простить.

И провести черту под всеми своими «прощай». Простить, чтобы больше не было «жаль», я могу простить за каторжную боль и непримиримую с нутром печаль,

Простить и заново начать.

Простить и заключить в объятья палача. Чем муки памяти на своем хребте волоча, сныть в неприязни и обиде, скулить и кричать, необходимо прощать для того, чтобы обида на лике сердце лишь пятно, а не печать, не смела более ныть и докучать, простить за все слова, что не смолчать!

Я могу простить петлю на шее и даже судороги удушья,

Я могу простить все

Кроме равнодушия.

ПИСЬМО СЫНУ

Мой милый мальчик, когда ты вырастешь, ты будешь большим и сильным, но сперва осознай силу, что в груди твоей заложена, ведь она

Всеобъемлема и глубока.

Прекрасные девы будут чаровать тебя, но будь мужественен совладать с соблазнами, что уготовила для тебя судьба, и предпочти самую добродетельную из дев, а не заложницу своего греха.

Пусть по жизни тебя ведет незримая тропа, знающая желания твоего сердца и духовного естества. Помни, что самая главная и решающая борьба разворачивается внутри тебя, — никогда не переставай бороться за ценности и свои права.

Да помогут тебе небеса.

Пусть в пути тебя сопровождают надежда, любовь и доброта, пусть человеческие сердца для тебя будут, как океан, в котором ты находил бы глубоководные желоба, что удивляли и наполняли бы тебя.

Пусть твоя добродетель не знает дна, пусть она будет в груди твоей заключена и поступками воплощена. Будь справедлив и силен, не допускай, чтобы человеческая слепота управляла тобой.

Не допускай, чтобы твои глаза объяла невежественности пелена. Не допускай жалости к себе и нытья, больше благодари, ничего не бойся и верь в себя.

Да поможет тебе сила Вселенского волшебства.

Ты знай, что бы ни происходило — все не зря, обрамляй наследие духовного поиска в силу творчества, не поддавайся на трусость, алчность и несправедливость человеческого забытья.

Путешествуй по всему миру, в поисках своего начала и Грааля нравственного бытия. Но помни: ты никогда не увидишь целого мира, если в твоем сердце не будет красоты и боли всех его проявлений. Чувствуй, как природа говорит с тобой — всевластна и нема. Пусть попутный ветер благоволит и служит на благо твоих стремлений.

Помни, жизнь — величайшее приключение, в котором ты можешь быть разным, в каждом новом прожитом мгновении, но оставайся собой — ведь из всех твоих воплощений

Это лучшая роль.

Уповай на силу Божественного провидения, но и сам, не требуя признаний и почтений, твори добро и делай все из лучших побуждений.

Человеком управляет бездна вожделений, внимательнее и со всей ответственностью подбирай себе влечения. Помни, сквозь череду падений, попыток, откровений рождается талант, вскармливается духовный гений. Слава и успех приходят сквозь череду смятений.

Не губи мечту своего сердца хладнокровным мечом ума, помни, в чем живет твой талант, помни и «корми» его сполна. Пусть любовь твоя будет обеспечена, а не обречена, пусть сила твоя будет с мужеством обручена,

Да поможет тебе сила Космического сумрака, забвение звездной бездны, полное чуда, полыхающего кострами небесного серебра.
Прими всю мудрость, что хочет дать тебе судьба, прими ту жизнь, что тебе предначертана, но находи в себе силы судьбу свою, как резвого коня,

С лихвою обуздать. Пускай тебе откроются истины бытия — ты главное помогай, дай неимущему хлеба, крова и добра, дай правды ищущим и никогда не суди, кляня. Лишь поощряй, любя.

Пусть вся твоя жизнь будет духовным светом озарена. Мой сын, будь верен правде, той, что внутри тебя. Выходи достойно сквозь испытание огня, пусть он не посмеет обуглить и сжечь, а лишь раскалит тебя

На новые свершения.

Пусть та, что неприкаянна, с тобою оживет сполна, пусть мысль твоя будет не истасканна, а величественна и мудра.

Не унимай жара в груди, отправляйся на поиск неизведанного, нового, особенного полотна, кем бы ты ни был, главное, чтобы вера в твоей груди была заключена, оберегала и наталкивала на поиски сокровища, сохранила для тебя во мраке лучину костра.

Сам будь огнем и из кокона удушающего выбирайся с легкостью мотылька. Благодари, и жизнь будет к тебе щедра. Да поможет тебе власть звездного неба, полыхающего кострами Божественного торжества.

Пусть твоя жизнь будет преисполнена светом, пусть в ней будет достаточно доблести и добра.

С любовью. Мама твоя.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru